

Мои замѣтки и воспоминанія.

(Автобіографическія записки Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Митрополита Московскаго).

(Продолженіе) ¹⁾.

Переходъ мой во Владимірѣ и ректорство Семинарію Владимірскою.

Въ началѣ Іюля 1856 г. выѣхалъ я изъ Кіева. Мнѣ сопутствовалъ о. Филаретъ, мой землякъ, ѣхавшій на родину чрезъ Москву. Въ Москву прибыли мы, помнится, въ пятницу вечеромъ, и въ субботу утромъ, часовъ въ 11-ть явились на Троицкое Подворье, чтобы представиться митрополиту Филарету. Въ субботу митрополитъ не принималъ посѣтителевъ; но для насъ, какъ путниковъ, сдѣлано исключеніе. Вотъ мы являемся. Владыка, сидѣвшій за столомъ съ кипцою бумагъ, благословилъ насъ и пригласилъ сѣсть. Онъ сразу узналъ меня и далъ вопросъ: „Зачѣмъ Васъ назначили во Владимірскую Семинарію?“ — Я отвѣчаю — „Воля начальства“. — Васъ слѣдовало держать въ Академіи, странно распоряжаются. Вотъ я когда-то былъ ревизоромъ Владимірской Семинаріи—она плоха; Вамъ много будетъ хлопотъ.—А Вы куда отправляетесь“, обращается къ моему спутнику.—„На родину, Ваше Высокопреосвященство“.—„Не люблю я тѣхъ монаховъ, которые по родинамъ ѣздятъ“, замѣтилъ онъ своему соименнику. Разумѣется, тотъ сконфузился. Этимъ и кончилась наша аудіенція. Взявъ благословеніе, мы отретировались. Въ это время въ Москвѣ шли приготовленія къ коронаціи

¹⁾ См. „Б. В.“, 1913 г., октябрь.

покойнаго Государя Александра II-го, — вездѣ суета, постройки, передѣлки, приспособленія. Я хотя и спѣшилъ къ мѣсту новой службы, но нашелъ время побывать въ Симоновомъ монастырѣ у о. архимандрита Аполлонія, стараго знакомаго. Приѣзжаю, и вижу тоже приготовленія, передѣлки. „Это для чего?“ спрашиваю я. „А отъ бачите, у меня назначена квартира для архіепископа Иннокентія Херсонскаго. (Аполлоній любилъ по малороссійски говорить). А я вотъ и тяну передѣлки, и таки не пушу его сюда“. Такъ и вышло, комнаты не окончены, и Иннокентій долженъ былъ помѣститься въ Златоустовскомъ монастырѣ—неудобно. Упоминаю о томъ, чтобы показать, каковъ былъ характеръ у Аполлонія. Само собою разумѣется, что мы помолились и въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ я познакомился съ тогдашнимъ ректоромъ Академіи Евгениемъ, инспекторомъ Сергіемъ и профессоромъ Амфитеатровымъ.

Ректорство во Владимірской Семинаріи.

Прибылъ я во Владиміръ 20 Іюля (1856 г.), и конечно, прежде всего представился преосвященному, тогда Іустину. Онъ обрадовался мнѣ какъ приѣхавшему изъ Кіева, гдѣ онъ самъ учился въ Академіи, тамъ бакалаврствовалъ и ректорствовалъ въ Кіевской Семинаріи (перваго курса Кіевской Академіи 1823 г.). Приемъ былъ ласковый. Такъ какъ продолжалось вакаціонное время, то я, съ благословенія Преосвященнаго, скоро отправился въ Переяславль Залѣсскій, въ Даниловъ монастырь, котораго настоятелемъ былъ назначенъ. Монастырь этотъ издревле числился за ректорами Владимірскими. И мой предмѣстникъ архимандритъ Платонъ († архіепископъ Костромскій) изрядно исправилъ его при пожертвованіяхъ благотворителей. Но братіи въ немъ было мало, и бывшіе похрамывали морально. При монастырѣ находилось и духовное училище, надо сказать, хорошее. Теперь оно устроено на мѣстѣ разрушеннаго Гороцкаго въ Переяславлѣ монастыря. Въ Даниловомъ монастырѣ открыто почитаютъ св. мощи преподобнаго Даниїла. Здѣсь жили на покой и скончались Черниговскіе архіепископы Лаврентій и Павелъ, уроженцы Владимірской Епархіи. Отъ Переяславля близко (60 верстъ) Ростовъ, и я имѣлъ возможность побы-

вать въ немъ и поклониться мощамъ Святителя Леонтія, моего патрона.

Послѣ каникулъ началось въ Семинаріи обычное учение. Я изумился количеству учениковъ,— ихъ было до 700. Каждый классъ имѣлъ по три отдѣленія. Всѣ три отдѣленія богословскаго класса собирались въ большую залу, и нужно имѣть сильный голосъ, чтобы преподаваніе уроковъ слышали всѣ ученики. Я принялся усердно за дѣло, и встрѣтилъ къ своему удовольствію сочувствіе и въ воспитанникахъ и въ наставникахъ, которыхъ было много. Работа кипѣла, можно сказать. Ученики занимались съ охотою, и вообще отличались живыми способностями и доброю воспримчивостію при даровитости очень многихъ. И я доволенъ оставался учебною частію. Нравственная часть требовала внимательнаго надзора; ибо немногіе ученики жили въ казенномъ общежитіи за Лыбедью такъ называемую, а большинство на квартирахъ. Исправлялъ должность инспектора до назначенія новаго профессоръ М. И. Флоринскій. Дѣльный преподаватель по Св. Писанію, онъ своею безтактностію и жестокостію по части инспекціи чуть не надѣлалъ себѣ бѣды. Онъ нынѣ несчастный архимандритъ, потерявшій за нетрезвость. Не распространяюсь о немъ. Прибывшій изъ Московской Академіи инспекторъ іеромонахъ Кириллъ, не глупый человекъ по наукѣ, оказался слабымъ и поблажливымъ. Приходилось самому вникать во всѣ мелочи, и заправлять инспекціею, входя нерѣдко въ пререканія съ Кирилломъ. Къ моему утѣшенію, ученики старались быть внимательными къ моимъ наставленіямъ, которыя давалъ я имъ по классамъ in corpore. Вообще—Владимірская Семинарія оставила во мнѣ пріятное воспоминаніе.

Преосвященный Іустинъ мало обращалъ вниманія на Семинарію и бывалъ только на экзаменахъ нѣкоторыхъ. Къ сожалѣнію (хотя это было разъ только по моему краткому пребыванію во Владимірѣ), преосвященный Іустинъ поставлялъ меня въ недоумѣніе своими выходками. Помню—на экзаменѣ одинъ ученикъ отвѣчалъ по Догматикѣ о божественности І. Христа, и приводилъ классическій текстъ: „да о имени Его поклонится всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ“. Объясненіе текста шло по урокамъ печатной догматики. „Ну вотъ пустяки“, возражаетъ преосвящен-

ный. „Зачѣмъ насловать текстъ? Тутъ разумѣются птицы, рыбы, гады“. Это меня просто ошеломило; я вступился,—и скоро оба мы замолчали. Впечатлѣніе на учениковъ сдѣлано нехорошее. Другой примѣръ. Ученикъ говоритъ: „Духъ Святыи въ видѣ голубя снизшелъ на І. Христа при крещеніи его въ Іорданѣ“. Преосвященный замѣчаетъ:—„Ну простой голубь леталъ, и только“. Это меня возмущало. Какой соблазнъ для юныхъ питомцевъ! Идетъ напримѣръ экзамень по языкамъ, по математикѣ, преосвященный выражается: „Ну къ чему такими пустяками забивать голову?“ Вотъ и заставляйте учениковъ заниматься всѣми предметами. Все это факты—бывшіе на экзаменахъ передъ Р. X. въ 1856 г. Очень жаль, что умный человекъ—преосвященный вольнодумствовалъ такъ явно. Я умалчиваю о его интимныхъ бесѣдахъ со мною о благодати, о церкви. Либеральность въ убѣжденіяхъ Іустина извѣстны были митрополиту Филарету отъ ректоровъ, напримѣръ Сергія, бывшаго инспектора и затѣмъ ректора Московской Академіи, какъ самъ онъ говорилъ мнѣ. Съ болью сердца пишу это, ибо Іустинъ имѣлъ хорошее отношеніе ко мнѣ. Но *amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas*. Образъ мыслей преосвященнаго Іустина очень вредно отзывался и на его положеніи. Поставленный въ необходимость оставить Епархію, онъ долго (за 80 л.) жилъ на покоѣ въ Боголюбовомъ монастырѣ, и я вѣрую, что благодать Божія измѣнила его убѣжденія. Какъ администраторъ, — онъ былъ очень исправенъ, трудолюбивъ и формаленъ, хотя вспыльчивъ—какъ сильно геморроидальный. Служилъ онъ очень скоро, такъ что намъ сослужащимъ поспѣвать вычитываніемъ молитвъ въ службахъ было трудно.—Не пасквиль пишу, а правду, и повторяю—съ болью сердца. Сознавалъ ли весь вредъ своихъ нескрываемыхъ убѣжденій самъ Іустинъ,—трудно сказать, между тѣмъ жаловался, что его обходятъ, и особенно на Московскаго Филарета, и, конечно, несправедливо.

Изъ близкихъ мнѣ людей во Владимірѣ упомяну о ректорѣ Владимірскаго духовнаго училища каѳедральномъ протоіерейѣ Ѳ. М. Надеждинѣ, по Семинаріи и Академіи сотоварищѣ и землякѣ извѣстнаго И. В. Рождественскаго. Въ свое время, говорятъ, это былъ блестящій профессоръ философіи Владимірской Семинаріи. Ѳ. М. Надеждинъ имѣлъ кромѣ ума

недоужиннаго прекрасное сердце и практичность въ жизни. Ректорствовалъ онъ съ душою, и зато любили его и отцы и дѣти. Приятно было съ этимъ многознающимъ и умнымъ человѣкомъ бесѣдовать о предметахъ серьезныхъ. Проповѣди онъ писалъ отлично, и говорилъ внушительно. Жаль, что онъ скончался еще не старымъ. Онъ былъ и любимымъ другомъ блаженной памяти о. протоіерея и члена Синода Родественскаго.

Недолго пришлось мнѣ ректорствовать во Владимірской Семинаріи—всего 11-ть мѣсяцевъ. Въ Іюнь 1857 г. при самыхъ радужныхъ проводахъ и сожалѣніи учениковъ, выразившихся въ рѣчахъ и слезахъ, я простился съ Владиміромъ, и выѣхалъ въ Новгородъ, куда сверхъ всякаго ожиданія назначенъ былъ ректоромъ Семинаріи и настоятелемъ Антоніева монастыря. Не могу здѣсь не упомянуть о замѣчательномъ снѣ, видѣнномъ мною за мѣсяць до моего новаго назначенія. Представляется мнѣ, что я ѣду по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, и являюсь къ митрополиту Григорію, котораго вовсе не зналъ еще въ лицо. Выходитъ онъ ко мнѣ съ распахнутою рясою, изъ-подъ которой видится подрясникъ, опоясанный простымъ краснымъ кушакомъ, безъ камилавки, благословляетъ, и велитъ явиться въ третьемъ часу къ обѣду, когда онъ пріѣдетъ изъ Синода. За тѣмъ ѣду я, какъ будто, на парадѣ по Волхову, вижу берега прекрасные и монастыри, люблюсь ими. Подѣзжаю къ третьему монастырю, и слышу чей-то голосъ: „Вотъ твой монастырь“, и пароходъ остановился. Сопъ этотъ я помнилъ; но не придалъ ему значенія. Скоро получаю формальную бумагу объ этомъ перемѣщеніи,—и приказаніе явиться въ Петербургъ къ митрополиту. Вообразите же мое удивленіе, когда сбылось буквально все видѣнное мною во снѣ. Я присталъ у Антоніева монастыря, и при колокольномъ звонѣ, встрѣченъ былъ братією и воспитанниками Семинаріи, издавна существующей въ Антоніевомъ монастырѣ. Такимъ образомъ, мое перемѣщеніе видимо было дѣломъ Промысла Божія, и вѣрую,—по предстательству преподобнаго Антонія Римлянина.

Прежде отправленія своего изъ Петербурга въ Новгородъ, я счелъ долгомъ повидаться съ знакомыми и въ особенности съ моимъ товарищемъ архимандритомъ Кирилломъ, быв-

шимъ инспекторомъ Академіи. Вхожу къ нему съ распротертыми объятіями, а онъ большой, какой-то измощенный вопить: „Представь себѣ. Фошка ректоромъ“. (Вмѣсто Макарія о. Теофанъ назначенъ былъ изъ ректоровъ Олонецкихъ ректоромъ Академіи). „Знаю, отвѣчалъ я, такъ чтожь? Вѣдь онъ былъ нашимъ наставникомъ, что же тутъ обижаться? Конечно тебѣ хотѣлось ректорства въ Академіи; а я скажу, братъ, тебѣ, что тебя на мое мѣсто во Владиміръ назначаютъ“. Какъ ужаленный, онъ измѣнился, и скоро сталъ хлопотать черезъ посредство дяди—протоіерея Наумова у министра Горчакова, чтобы его послали въ Іерусалимъ Епископомъ и начальникомъ миссіи, куда уже былъ назначенъ преосвященный Поликарпъ, викарій Херсонскій. Хлопоты увѣнчались успѣхомъ. Поликарпъ перемѣщенъ въ Орель, а Кириллу досталась честь быть епископомъ Мелитопольскимъ, начальникомъ Іерусалимской миссіи. Дѣло окончилось, когда я уже въ Новгородѣ освоивался.

Новгородская Семинарія.

Что сказать о Новгородской Семинаріи? Я занялъ мѣсто архимандрита Нектарія, который недолго ректорствовалъ здѣсь и, зная предположеніе, что скоро его переведутъ въ Петербургъ, мало занимался дѣломъ. Инспекторомъ Семинаріи засталъ я своего стараго знакомаго іеромонаха Германа (нынѣ Епископъ—настоятель Донского московскаго монастыря, присутствующій въ Св. Синодѣ). Онъ страдалъ тогда глазами, но исполнялъ должность аккуратно, хотя и хандрилъ. Посвященный въ санъ архимандрита, онъ скоро былъ назначенъ, по моеи рекомендаціи преосвященному Кавказскому Игнатію (Брянчанникову), ректоромъ Кавказской въ Ставрополѣ Семинаріи, и вмѣстѣ съ преподавателемъ іеромонахомъ Исаакиемъ, тоже мною рекомендованнымъ на инспекторство, уѣхалъ къ мѣсту назначенія. На мѣсто Германа, по моеи просьбѣ, назначенъ былъ инспекторомъ профессоръ С.-Петербургской Семинаріи іеромонахъ Теоногость (нынѣ архіепископъ Владимірскій). Преподаватели, за многими исключеніями, на первыхъ порахъ показались мнѣ только посредственными, хотя и усердными.

Прибылъ я въ Новгородскую Семинарію во время экза-

меновъ предъ лѣтними вакаціями, и продолжалъ ихъ по данному прежде о Германомъ росписанію. Испытанія показали мѣру успѣховъ учениковъ удовлетворительную,—и воспитанники отвѣчали на вопросы вообще достаточно. Припоминаю, что мое вниманіе обратилъ на себя ученикъ средняго отдѣленія М. Владиславлевъ, котораго и экзаменное сочиненіе было выдающееся. Въ списокъ стоялъ онъ во 2-мъ разрядѣ, чуть ли не во второй половинѣ. Слушая отвѣты его, я обратился къ инспектору съ вопросомъ тихо: „Почему Владиславлевъ стоитъ такъ низко“,—и получилъ отвѣтъ, что онъ ведетъ себя не хорошо. Въ списокъ я его сразу потомъ повысилъ, и позвавъ къ себѣ взялъ съ него обѣщаніе—бросить свою дурь, и во время вакаціи заняться французскимъ и нѣмецкимъ языками. Онъ исполнилъ свое слово. Пріѣхавши съ вакаціей, онъ перемѣнился, и на первую же третью занялъ 2-мѣсто въ 1-мъ разрядѣ. Посланный въ Академію С.-Петербургскую по окончаніи Семинаріи, онъ и тамъ былъ 1-мъ. Но о Владиславлевѣ рѣчь будетъ еще впереди. Кстати сказать, что Новгородскіе семинаристы вообще отличались твердостью характера и трудолюбіемъ, и если кто изъ нихъ замѣченный на примѣръ въ пьянствѣ или грубости, лѣности, давалъ слово—исправиться,—сдерживалъ его точно,—чему я радовался. Много имѣло добраго вліянія то, что Семинарія находилась при монастырѣ. Являлись охотники и немало, которые до класса посѣщали раннюю обѣдню, читали и пѣли въ церкви, не по наряду, а по чувству благочестія. Въ воскресные и праздничные дни хоръ пѣвчихъ семинаристовъ привлекалъ много постороннихъ посѣтителей. Нельзя не порадоваться, что новгородская Семинарія осталась доселѣ на прекрасномъ мѣстѣ. Постановлено было въ недавнее время вывести ее въ городъ; куплено уже было и мѣсто; но видно не угодно препод. Антонію допустить перемѣну. Считаю себя счастливымъ, что и я (будучи присутствующимъ въ Синодѣ) содѣйствовалъ тому своими резолюціями, внушивъ ревизору Зинченкѣ—отстаивать старое мѣсто. И вотъ. новое мѣсто продано, хотя съ убыткомъ—для казны, а Семинарія по значительнымъ перестройкамъ осталась въ Антоніевомъ монастырѣ, сверхъ ожиданія. Въ 1858 г. посѣтилъ Семинарію и монастырь митрополитъ Григорій, и велѣлъ мнѣ избрать охотниковъ изъ богословскаго класса—

поступить въ миссіонерскую академію, которую онъ задумалъ учредить въ с. Грузинѣ, въ Аракчеевскихъ зданіяхъ, уже тогда и переданныхъ въ духовное вѣдомство. До десяти воспитанниковъ изъявили желаніе быть миссіонерами. Но увы! Со смертію Григорія идея миссіонерской академіи испарилась, и давно уже самое зданіе обратно передано гражданскому вѣдомству. Нельзя не пожалѣть о томъ, когда знаешь, какая великая нужда имѣется у насъ въ миссіонерахъ.

Монастырь Антоніевъ—древній. Архимандриту предоставлено въ немъ совершать богослуженіе съ нѣкими архіерейскими привиллегіями. Ректоры Семинаріи всегда прежде были и настоятелями его. Съ недавняго времени сдѣлано разъединеніе, когда ректоромъ состоитъ протоіерей. Нельзя не пожалѣть о такомъ разъединеніи, тѣмъ болѣе, что весьма легко совмѣщать здѣсь обѣ должности; а вѣдь протоіерей—женатый и не живетъ при Семинаріи. Сказалъ я прежде, что въ монастырѣ открыто почиваютъ мощи преподобнаго Антонія; но рака, въ которой онъ почиваютъ, была ветхая очень, какъ я нашель ее. Когда, по пріѣздѣ митрополита Григорія, явился я къ нему въ Юрьевъ монастырь, гдѣ онъ остановился,—какъ ректоръ и благочинный монастырей,—и онъ спросилъ, все ли у насъ хорошо, я отвѣчалъ, что по монастырямъ не очень-то хорошо и, прежде всего, у меня въ монастырѣ рака преп. Антонія очень ветха и грозитъ развалиться. „Не думаешь ли новую строить?“—„Да, Владыко, есть мысль“.—„А гдѣ возьмешь денегъ?“—„Буду собирать; а Вы книгу разрѣшите сборную на мое имя“. Книга дана, и я съ нею же и поѣхалъ прямо въ Консисторію, какъ членъ ея. Предложивши о.о. членамъ книгу сборную, я получилъ записей на 300 р. Въ канікулярное время, отправившись для обозрѣнія монастырей, какъ благочинный, я собралъ порядочную сумму, а затѣмъ въ Петербургѣ съ разрѣшенія митрополита до 7000 р. Рака заказана была Верховцеву за 10,000 р. и сдѣлана превосходно. Радовался я, что Господь благословилъ мое дѣло успѣхомъ полнымъ; но, къ сожалѣнію, при переложеніи св. мощей не могъ быть, находясь уже въ Петербургѣ виларіемъ. Митрополитъ Григорій, назначившій 1-е Юля днемъ торжества въ Антоніевомъ монастырѣ, и вмѣстѣ съ собою назначившій и мнѣ быть тамъ,

скончался 17 Іюня, и мнѣ, какъ управлявшему Епархіею, не разрѣшили отпуска. Совершить торжество досталось новгородскому епископу Евфимію и архимандриту Никандру, моему преемнику по ректорству и настоятельству въ монастырѣ. Въ свое время это было описано подробно профессоромъ Новгородской Семинаріи Павлинскимъ.

Викарій Новгородскій Евфимій, епископъ Старорусскій, былъ до Нектарія нѣсколько лѣтъ ректоромъ Новгородской Семинаріи. Это типъ формалиста самаго строгаго. Аккуратный самъ, онъ требовалъ полной аккуратности отъ наставниковъ и отъ учениковъ, а будучи викаріемъ—отъ духовенства. Много онъ принесъ пользы Новгородской Семинаріи своими трудами, и выработалъ хорошихъ кандидатовъ священства. Тяжелъ онъ былъ для подчиненныхъ: но и себя не щадилъ; страдая сильными припадками геморроя,—онъ не измѣнялъ своимъ привычкамъ никогда. Изъ за излишней щепетильности у меня бывали съ нимъ столкновенія, но оканчивались мирно. Правленіе Семинаріи Новгородской имѣло права, данныя митрополитомъ, которыя устраняли стѣснительную требовательность викарія. Викарій въ Новгородѣ обыкновенно управляетъ и Хутынскимъ монастыремъ. 6-го Ноября въ Хутынѣ бываетъ храмовой праздникъ въ память преподобнаго Варлаама Хутынскаго, и совершается торжественное богослуженіе при многолюдномъ стеченіи. Служилъ съ преосвященнымъ—1857 г. и я—и легко одѣвшись получилъ простуду, которая причинила мнѣ сильную горячку. Болѣзнь усилилась до того, что отчаявался въ моемъ выздоровленіи. Я находился въ третій уже разъ въ жизни при смерти. И вѣрю, что выздоровѣлъ по представительству препод. Антонія. Не могу здѣсь не вспомнить съ особою признательностію объ уходѣ за мною блаженной памяти архимандрита, тогда Сквородскаго монастыря, Писисія и врача Семинаріи Аренскаго. Много я обязанъ имъ. Архимандритъ Писисій очень усердно потрудился для обители Сквородской и послѣ—Старорусскаго Преображенскаго монастыря. Это былъ монахъ добрый и опытный. Жаль, что онъ рано скончался. Служа прежде въ г. Задонскѣ казначеемъ монастыря, онъ удостоился чести, въ числѣ весьма немногихъ, участвовать въ секретномъ перенесеніи мощей святаго Тихона изъ усыпальницы его въ Соборъ по порученію ар-

хіепскопа Антонія, пребывавшаго на тотъ разъ въ Задонскомъ монастырѣ (1846 г.).

Общее впечатлѣніе о Новгородѣ, Семинаріи и монастырѣ осталось у меня очень пріятное. Народъ тамъ религіозный, воспитанники вдали отъ города имѣютъ возможность заниматься сосредоточеннѣе, братія монастырская, не великая по количеству, въ соприкосновеніи съ учебною корпораціею имѣли случаи восполнять свое образованіе, у кого была охота къ тому. Семинарская корпорація держалась дружно. Самъ я, врагъ всякихъ интригъ, заботился о единеніи, и достигалъ его. Обиліе монастырей мужскихъ и женскихъ въ Новгородѣ и Новгородской Епархіи имѣетъ важное воспитательное значеніе для народа.

Перемѣщеніе въ Петербургъ и ректорство въ Семинаріи.

Въ Новгородѣ ректоромъ и настоятелемъ монастыря я пробылъ годъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Перемѣщенный ректоромъ С.-Петербургской Семинаріи, я прибылъ въ Петербургъ 4-го Іюня 1859 г. Итакъ, по судьбамъ Божиимъ мнѣ пришлось оканчивать учебную службу тамъ, гдѣ я началъ ее. Не могу сказать, чтобы я съ удовольствіемъ переѣхалъ туда; ибо Новгородскую Семинарію я полюбилъ, да и жить въ монастырѣ мнѣ нравилось. Кромѣ того, я предвидѣлъ напередъ, что въ С.-Петербургской Семинаріи придется мнѣ имѣть болѣе безпокойствъ и столкновеній, — тѣмъ болѣе что прежніе тамъ порядки ослабѣли, и ученикамъ давалась свобода излишняя, которая требовала ограниченія. Сразу я это замѣтилъ, почувствовавъ на коридорѣ, при вступленіи въ свою квартиру, сильный табачный запахъ, что, конечно, не относилось къ чести инс екціи. Въ ректорской квартирѣ помѣщался еще и назначенный ректоромъ Академіи—архимандритъ Нектарій и мы жили вмѣстѣ до отъѣзда преосвященнаго Неофана изъ Академіи въ Тамбовъ на Епархію. Какъ старые знакомые, встрѣтились мы съ любовью. Я вступилъ въ должность немедленно по обычномъ представленіи митрополиту Григорію. Наканунѣ перехода о. Нектарія въ зданіе Академіи въ честь его Семинарская корпорація устроила обѣдъ. — Упомяну объ этомъ потому, что онъ имѣлъ послѣдствія, со-

вершенно неожиданныя. Нѣсколько учениковъ сдѣлали плохую шутку,—похитили порядочное количество бутылокъ вина, которое было до времени поставлено въ углу коридора, и преспокойно себѣ распили въ саду. Инспекторъ іеромонахъ Павелъ, узнавши объ этомъ помимо меня, не донесши мнѣ, самовольно распорядился высылкою виновныхъ изъ Семинарскаго корпуса, намѣреваясь настоять объ исключеніи ихъ. Когда я узналъ о томъ случайно отъ одного изъ священниковъ,—приказалъ возвратитъ ихъ немедленно въ корпусъ, чтобы разобрать дѣло по всей справедливости. Инспектору сдѣлано было мною строгое замѣчаніе,—и это послужило поводомъ нашей размолвки. На вопросъ мой: „Почему Вы такъ поступили?“ онъ отвѣчалъ, что стыдно было ему на первыхъ же порахъ доложить мнѣ о безпорядкѣ экстраординарномъ. „Хороша же Ваша инспекція“,—сказалъ я. Расправа сдѣлана была послѣ экзаменовъ,—и только двое понесли заслуженную кару. Черезъ два дня, когда я пришелъ къ митрополиту съ дѣлами, онъ, посмѣиваясь, спрашиваетъ: „У тебя все благополучно?“ Я сказалъ—„Не все къ сожалѣнію“ (а онъ уже узналъ отъ кого-то о происшествіи) и рассказалъ суть дѣла. Владыка разсмѣялся и говоритъ: „Не глади плохо, не вводи вора въ грѣхъ; посѣчь бы ихъ шалуновъ“. Въ непродолжительномъ времени Павелъ переведенъ былъ инспекторомъ въ Академію по ходатайству Нектарія. На мѣсто Павла по моему ходатайству назначенъ инспекторомъ іеромонахъ Іосифъ (Баженовъ) изъ преподавателей Семинаріи, къ сожалѣнію, не оправдавшій моихъ надеждъ. Своею благосклонностію и либеральнымъ взглядомъ—онъ немало причинялъ мнѣ безпокойствъ. Хорошій наставникъ—онъ былъ плохой инспекторъ. Наставниковъ я засталъ еще довольно изъ прежнихъ моихъ сослуживцевъ,—но больше новыхъ. Всѣ они дѣломъ занимались исправно. Я преподавалъ догматическое богословіе, и учениками былъ доволенъ. Многіе изъ нихъ нынѣ занимаютъ должности священниковъ съ честію, а нѣкоторые, какъ напримѣръ Н. Барсовъ, профессорствуютъ въ Академіи и Семинаріяхъ.

Вмѣстѣ съ ректорствомъ я принялъ и должность редактора журнала „Духовная Бесѣда“, основаннаго при семинаріи митрополитомъ Григоріемъ. Помощниками моими были: протоіерей Яхонтовъ и профессоръ Шавровъ (уже покойный),

завѣдывавшій эконоическою частію. Журналъ шелъ очень хорошо и расходился до 7000 экземпляровъ, чему много содѣйствовала введенная при мнѣ уже „Церковная Лѣтопись“, въ которой помѣщались и Синодальныя распоряженія. Много помогали интересу дѣла и заграничная корреспонденція нашихъ священниковъ при посольствахъ, и статьи о.о. протоіереевъ Богословскаго († протопресвитеромъ въ Москвѣ), бывшаго тогда профессоромъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, Рождественскаго, извѣстнаго Ивана Васильевича, и Яхонтова (письма къ отступнику отъ православія). Но преимущественно, журналъ обязанъ своимъ успѣхомъ митрополиту Григорію. Въ каждомъ почти № онъ помѣщалъ свои или проповѣди или же рядъ статей подъ заглавіемъ „Свѣчка во тьму и сумракъ“. Надъ послѣдними посмѣивались многіе, — за изложеніе; но справедливость требуетъ сказать, что онѣ приносили большую пользу читателямъ, особенно изъ средняго сословія. Редакція доставляла мнѣ много хлопотъ. Всѣ статьи просматривалъ предварительно самъ митрополитъ, и каждый № до напечатанія былъ представляемъ мною ему. Тяжело по временамъ становилось угождать старику, имѣвшему своеобразный взглядъ. Часто Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ въ своихъ письмахъ Григорію замѣчанія разныя, которыя и предъявлялъ мнѣ онъ. Разъ какъ-то я не вытерпѣлъ, и сказалъ: „Владыко! чтожь это Московскій все пишетъ замѣчанія Вамъ, какъ будто доселѣ Вы ученикъ его? А въ „Православномъ Обзорѣніи“ развѣ мало недостатковъ и мыслей, подлежащихъ оспариванію?“ — „И въ самомъ дѣлѣ такъ, сказалъ Григорій“. Самъ онъ имѣлъ складъ рѣчи особенный и употреблялъ нерѣдко слова и обороты, казавшіеся странными. Я, бывало, прочитавши статью бѣгу къ нему, и говорю: „Владыко! Нельзя ли измѣнить вотъ это слово, или оборотъ“. — „Ну вотъ: что ты меня учишь, печатай какъ есть“. А когда напечатаетъ, и онъ получитъ письмо съ замѣчаніемъ, призываетъ меня и говоритъ: „Что ты мнѣ не доложилъ?“ — „Я докладывалъ объ этомъ словѣ Вамъ, Вы не согласились измѣнить“, — „Ну я забылъ“. Припоминаю два случая по редакціи очень непріятныхъ для меня. Разъ какъ-то митрополитъ Григорій даетъ мнѣ статью, собственноручно написанную, подъ заглавіемъ „Сіятельное Солнце“, — и велитъ напеча-

тать въ ближайшемъ №. Прочитавши, я прихожу къ митрополиту и говорю: „Нельзя ли оставить эту статью; она подаетъ поводъ къ столкновенію, потому что ее поймутъ, какъ ласквилль на оберъ-прокурора“. Разгнѣвался Владыка, и не согласился со мною. Я немедленно исполнилъ его приказаніе. Дня черезъ три вечеромъ неожиданно является ко мнѣ въ квартиру чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ К. К. Зедергольмъ (умершій іеромонахомъ въ Оптиной пустыни съ именемъ Клименга). — и спрашиваетъ: „Печатается уже статья: „Сіятельное Солнце?“ — „Да“. — „Приостановите печатаніе, я говорю Вамъ приказаніе Александра Петровича“ (Толстого — оберъ-прокурора Св. Синода). — „Я не могу, потому что митрополитъ приказалъ мнѣ немедленно ее напечатать, хотя и я просилъ его не печатать“. Слово за слово — мы порядочно побранились. По уходѣ Зедергольма около 9-ти часовъ вечера (зимомъ), я тотчасъ иду къ митрополиту, и прошу келейника доложить, что я пришелъ по нужному дѣлу. Владыка уже собирался спать (онъ ложился рано — въ 9 ч. и вставалъ рано — въ 3 часа) и былъ въ спальнѣ. Выходитъ онъ съ обезпокоеннымъ видомъ. „Что такое?“ спрашиваетъ. Я объяснилъ ему суть дѣла. Недовольный, назвавши мальчишкой Зедергольма, онъ приказываетъ мнѣ поутру въ 7 часовъ принести статью уже печатную (1000 экземпляровъ уже отпечатано было №). „Вотъ я возьму ее въ Синодъ съ собою“ Поутру являюсь я съ №, гдѣ была напечатана статья, въ Лавру, и вижу экипажъ. „Что здѣсь?“ спрашиваю. — „Оберъ-прокуроръ“. Какъ передавали мнѣ, они крупно между собою поговорили. По отъѣздѣ гр. Толстого являюсь я. „Оставь мою статью. Есть у насъ чѣмъ замѣнить?“ — „Есть-то есть; да уже 1000 экземпляровъ напечатано №-ра“. — „Ну я заплачу убытокъ“. — „Въ этомъ нѣтъ нужды Владыка“. Такимъ образомъ я одинъ и остался въ накладѣ, не матеріальномъ конечно, а въ моральномъ. Статья уничтожена, и № вышелъ съ замѣною ея — другимъ сочиненіемъ — моимъ готовымъ прежде.

Другой случай по редакціи, мнѣ памятный. Въ 1860 г. грекоболгарскій церковный вопросъ уже былъ въ ходу, и не мало толковали о немъ, хотя и не такъ гласно, какъ гораздо послѣ этого было. Въ „Духовную Бесѣду“ по внушенію графа Толстого доставлена статья къ-мъ-то, не помню,

въ пользу грековъ. Она напечатана, и читалась съ интересомъ. Черезъ мѣсяць или болѣе напечатана другая — въ пользу болгаръ. Последняя не поправилась графу Толстому. На обѣдѣ у митрополита Григорія въ пятницу пасхальную (1860 г.), когда я уже былъ епископомъ Ревельскимъ, оставаясь ректоромъ еще и редакторомъ, графъ Александръ Петровичъ выразилъ митрополиту неудовольствіе за сочиненіе не въ пользу грековъ. Митрополитъ указалъ на меня — какъ редактора. Я говорю Толстому, что статья напечатана съ одобренія Владыки. Опъ посмѣиваясь говоритъ Толстому: „Молодой архіерей не слушаетъ меня.— впрочемъ поспорьте съ нимъ“. — „Audiatur et altera pars“, отвѣчалъ я оберъ-прокурору и сталъ защищать содержаніе статьи со всею скромностію. Толстой замолчалъ, — но видимо недоволенъ мною остался. Это былъ человекъ вѣрующій, набожный, но одно-сторонній и мнительный. — Ближайшими, домашними его внушителями были два молодыхъ чиновника, постоянно при немъ находившіеся: Зедергольмъ, о которомъ я раньше сказалъ, и Т. И. Филипповъ, такъ нынѣ извѣстный. Последній остается доселѣ вѣренъ своему давнему направленію. Къ чести графа Толстого надобно сказать, что онъ глубоко уважалъ митрополита Григорія, съ которымъ сблизился еще въ Твери, будучи тамъ губернаторомъ. Впрочемъ, самъ Толстой А. П. не долго оберъ-прокурорствовалъ. Помимо его нѣкоторыхъ недостатковъ, это былъ глубокой христіанинъ, чисто-православный, и сколько можно по внѣшности судить, не искавшій славы у людей. Время его молодости мнѣ неизвѣстно, но, по слухамъ, онъ обязанъ перемѣною своею нравственнаго направленія одному изъ священниковъ Тверской епархіи.

Леонтій, Митрополитъ Московскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).
